

Аннотация: Юмористические рассказы с запахом Охотского моря и смолистой тайги , 1997-2011

Оглавление

- [Гимн коммунальным хибарам](#)
- [Шимпанзе - страж частной собственности](#)
- [Похищение Европы](#)
- [Вам доводилось бывать в Париже?](#)
- [Особенности русского национального отдыха](#)
- [Как на Руси пушки чистят](#)
- [Хомяк - лучший друг призывника](#)
- [Из записок чудом выжившего пациента](#)
- [На злобу дня](#)
- [Дедовы калоши](#)

© Copyright <https://sakhalin7.ru/>

Гимн коммунальным хибарам

В моей квартире до жути темный коридор, но это ведь не повод жечь свет днем и ночью. Вот и ходим впотьмах, но безмерно довольные достигнутой килватозкономией. На той неделе, после бурной и продолжительной пьянки, заскочил домой за костюмом, чтобы предстать перед очами недремлющего начальства хоть и в несколько потасканном, но аккуратном виде. Не то чтобы я был пьян, но трезвым меня был бы сложно назвать. Это уж точно. Облачившись в костюм и туфли я, даже в коридорных сумерках, разглядел запыленный вид своей изначально черной обуви. Не взирая на жуткий цейтнот, я влез в шкаф, и извлек тюбик с обувным кремом и щетку. Меня вряд ли можно отнести к той категории граждан, что с вечера начищают свои сапоги, чтобы утром их надеть на "свежую голову", и с восхищением взирают на дело рук своих. Поэтому чуть посвежевший вид обуви, после размазывания по туфлям небольшого количества выжатой из тюбика массы, меня вполне удовлетворил, и ничто не насторожило моей вечно не дремлющей, бдительной натуры. И, преисполненный коктейлем из чувства собственного достоинства, водки и курсирующими в ней на бреющем полете кусочками шашлыка, я шагнул в распахнувшийся мне свои объятия, загадочный и надменный, потуквартирный мир. Где тут же нарвался на соседку, решившую выгулять свою пушистенькую и приторно чистенькую болонку бальзаковского возраста. У твари этой (речь о болонке, хотя хозяйка тоже ничего себе) есть как минимум одна омерзительная привычка. Она обожает, когда ей чешут брюхо, а так как идиотов, согласных на подобное извращение, надо еще поискать, даже

среди моих загадочных соседей по подъезду, то она изобрела замечательно действенную методу. Как только увидит, что объект движется со скоростью менее 100 миль в час, тут же кидается в ноги и, уютно раскинувшись на обувке жертвы кверху пузом, пожинает незаслуженную дозу ласки от окружающего ее враждебного мира. А так как, прикрывая дверь квартиры, должной скорости я еще не развил, то пришлось лицезреть на моих свежевывчищенных туфлях эту тварь божью. Пока я здоровался с ее хозяйкой и разухабисто брехал о вселенского масштаба катаклизмах, помешавших мне занять мое скромное место в рядах "субботствующих" соседей, моя рука неустанно егозила по пузу забалдевшей шантажистки. Несмотря на сумерки, затаившиеся в нашем подъезде, я ясно видел улыбающийся оскал, сквозь который на мои туфли сочилась скупая слюна старческого экстаза. Эта живописная картина, усугубленная захватывающим рассказом хозяйки о том, как именно выглядели сточные канавы около дома до сегодняшнего субботника, окончательно взбунтовали затаившиеся массы в моем желудке. Привстав с корточек и заявив, что жутко спешу, я, не дожидаясь, пока псина соскочит сама собой, шагнул к спасительной дозе свежего воздуха. Но не тут-то было. Вместо шага получился какой-то нелепый поворот на одном месте градусов этак на 15, а наглая собачья морда все так же громоздилась на моей обуви и как-то странно верещала. Ни фига не врубившись я, естественно, повторил свою попытку уже более энергично, попытавшись выдернуть из-под мерзкой твари хотя бы одну из ног. На что псина мерзко заголосила, срываясь на вой, и её вылезшие из орбит глаза замечательно проиллюстрировали весь ужас и всю боль ее теперешнего состояния. Хозяйка, выйдя из онемелого оцепенения, осыпала меня столь отборным матом, что окончательно и бесповоротно подтвердила имеющуюся у меня информацию о её многолетнем учительском стаже, а собака яростно месила воздух всеми конечностями и дико верещала. Вконец растерявшись, я не придумал ничего лучшего, чем выскользнуть из своей обуви и, обиженный и униженный донельзя, взирал как мои туфли галопом выезжают из подъезда, величественно гарцуя на собачьей спине. Хозяйка рванула за собакой, а я отпер дверь и полез в шкаф проверить единственную зародившуюся у меня гипотезу. На полочке рядом с одежной щеткой и щеткой для обуви одиноко примостился тюбик с... универсальным супер-пупер клеем. А так как на этот раз свет я включил, то на той же полочке у самой стены углядел тюбик с обувным кремом. Оба как близнецы, черные с желтым текстом на бочинах. Только на клее текст русский, а на креме какая-то арабская вязь. Кто мой бардак перебардачил, я с легкостью вычислил, но речь не о том. Заменив отъехавшие туфли на китайские тапочки, я рванул на работу. Соседки, слава богу, не встретил. Видимо, она уволокла свое чадо домой, выстригать из нее мои туфли.

На работе получил должный втык от начальства, как за опоздание, так и за идиотский внешний вид. Каких только бжиков у клиентов казино не насмотришься, но, так уж повелось, что дух из них вышибать имеет право только цивилизованно наряженный охранник. На следующее день меня разбудил звонок в дверь. Наглый и безапелляционный. Когда я все же открыл дверь, на пол грохнулись мои туфли. Соседка молча повернулась и зашагала к своей двери. За эту неделю я так с ней и не объяснился. Ну какой нормальный человек поверит, что с моей стороны это не тщательно подготовленная террористическая акция. Хотя с учетом цен на обувь я бы поверил.

А так как работаю на двух работах и постоянно пребываю в жутком цейтноте, то на коврик у входной двери вот уж неделю как стоят то ли туфли, то ли уютные домашние тапочки, изящно отороченные белым мехом. Впотымах и не разберешь.

Шимпанзе - страж частной собственности

У моей маман на работе работает переводчица, Валентина. Перевод это рутина, а для души она доктор Айболит для всей живности своих друзей и знакомых. Среди ее подопечных кого только нет, ведь их контора "Союзморгео", имеет обширный флот, который занимается изысканием залежей нефти за рубежом. Вот и везут моряки с заморских стран, смекалисто обходя всяческие ветеринарские и таможенные заслоны, кто удава, кто крокодила, кто гомадрила. Один, в экзотику особо не вдаваясь, привез обыкновенную шимпанзе. И вот уже восемь лет она обитает в его квартире на антресолях, над входной дверью. Совместно с обезьяной воспитывают и дочку того же возраста. Несомненно, занимательных историй при такой жизни накапливается уйма. Но, так как ни с мужиком, ни с Валентиной, я, лично, не знаком, то до меня докатилось только одно происшествие уже двух месячной давности. Квартиры моряков очень лакомый кусочек для всякой воровской швали. Деньги они получают разом, за много месяцев работы, вот и создается в это момент ощущение прямо таки рокфеллеровских возможностей. Приобретенным барахлом набивают квартиру под завязку и в новый рейс. Ну как тут не соблазнится. Тем более, что у ментов свои заботы. Им не до ворья. Надо о хлебе насущном думать. Ну так вот. Должен был этот морячок уйти в рейс, да что-то с отходом не сложилось. И сидит он в конторе, которая, к слову, в 5 минутах ходьбы от его дома. А наводка, что уже ушел, прошла. Механизм запущен и нет ему обратного хода. Вышло ворье на дело.

Звонок в дверь.

- Папа дома?

- Нет.

- А мама ?

- Тоже на работе.

- Ой, как жаль ! А я тут ящик яблок привез. Так теперь мне его назад тащить придется.

- Подождите. - Пугается ребенок упустить фрукты

- Я сейчас вам открою.

Первый небрежно толкает девочку с прохода и пробегает в комнату. Она грохается на пол и, естественно, в слезы. Второй пробегает во вторую комнату, а третий, на свою голову, замешкался в коридоре. Рвани он куда-нибудь сразу, все было бы для них иначе. Но, не судьба. Тут-то, озверевший от наездов на представителей своей стаи, шимпанзе прыгает со своей антресоли вору на плечи и вцепляется передними руками (лапами как-то и не назовешь) ему в морду. Офигевший от неожиданности, он ведь сам только что запер дверь на замок, грабитель дико орет пока еще больше от ужаса, чем от боли. Выбежавшие на вопль подельники, довольно быстро выходят из оцепенения и приходят на помощь, пытаясь стянуть мерзкую тварь с приятеля. Обезьяна сама испугалась

каши, которую она заварила и принявшись дико верещать, вцепилась в добычу мертвой хваткой. Осыпаемое бранью и ударами животное, не выдержало человеческого к нему отношения и впало в расстройство. Причем, как души бессмертной (если есть), так и желудка. Аж извиваясь от боли в ранах, обильно орошаемых обезьяньим поносом, вор проклял все на свете и, наверняка, побожился остаток жизни посвятить посещению зоопарков, где можно всласть закормить цианидом всех известных науке представителей семейства приматов, включая пьяных сторожей. А в это время, из соседней квартиры, соседка звонит на работу мужику и повествует, что его, зажавшаяся от хорошей жизни обезьяна, совсем офигела и устроила шоу песни и пляски как минимум районного масштаба. Мужик в машину и домой. Шимпанзе у него умница. На унитаза ходит, смывает за собой, да и других примочек, как полезных в жизни, так и гостей потешающих, выучила массу. Нрава спокойного, так что орать зря не станет. Сам он лоб здоровый, семь на восемь. Иначе не ты будешь обезьяну воспитывать, а она тебя. Вбегает в подъезд, а навстречу какой-то засранец, в прямом смысле этого слова (вся одежда в крови и дерьме). Врезал ему мужик в челюсть и быстрее к хате : как там ребенок. На две площадки выше встретил еще такого же сруля, тащащего их дорожную сумку. Спустил с лестницы, забрав сумку и вбегает на свою лестничную площадку, а на нее из дверей квартиры вываливается некто с лицом в боевой раскраске вождя племени тумба-юмба и столь же дурно пахнущий, сколь счастливый. Дело в том, что отчаявшись сорвать шимпанзе с насиженного места и, не рискнув ее зарезать, они, прихватив лишь крохи, собранные до начала бузы, рванули к тачке. Наш страстотерпец, осознав, что его бросают на произвол судьбы и одурев от перспективы остаться со зверем тет-а-тет, рванул в дверь с обезьяной на закорках. Увидев, что ее уносят из квартиры, которую она за все эти годы ни разу не покидала, обезьяна тут же прыгнула и забралась на антресоли. Страх неизведанного был в ней даже сильнее, чем любопытство. Так что, рвани он сразу из злополучной квартиры, скорее всего агрессия шимпанзе не спасла бы хозяев от кражи. Но до столь ли глубоких изысканий в обезьяньей психологии было мужикам, когда в работу отработанного годами воровского алгоритма вмешался сбой, в виде обгадившейся обезьяны. Счастливая улыбка не покинула остатков его физиономии даже тогда, когда стало ясно, что этот мужик, заломивший ему руку, расстанется с ним, только если об этом очень попросит подоспевшая милиция. Вот только затащить себя, до их приезда, в квартиру вор, цепляясь за перила и забрызгивая все кровью, так и не позволил. Он сопротивлялся, не взирая на заломаную руку так, как будто его пытались запихнуть в бассейн с голодными белыми медведями. Милиция застала их мирно сидящими на ступеньках и плачущими. Один рыдал от смеха, ибо вор поведал свою историю, поправляемый в мелочах девочкой из приоткрытых дверей, а другой от боли и обиды на судьбу, столь гнусно с ним подшутившую. Вор, задумайся, идя на свое грязное дело, а что если именно за этой дверью мирно спит, уютно свернувшись калачиком, симпатный бенгальский тигр.

Похищение Европы.

Свадьба дочери для отца событие всегда радостное и экстраординарное. Еще бы! Ведь впервые обманчиво маячит перспектива начать тратить кровные сбережения не на новые колготки да тапаксы, а на почти исправные карбюраторы и заморское пойло.

Настал и в жизни Ивана Петровича сей долгожданный миг.

Он крепился весь день. Ну почти весь. Вчера приятели на работе потребовали спрыснуть грядущее событие и, естественно, не нарвались на подлый отказ. А посему Иван Петрович пришел в состояние близкое к эйфории, и напрочь позабыл данное дочери всего час назад обещание не усугублять вплоть до ресторана, когда наткнулся на запрятанный женой ящик водки.

Натикало уже почти девять часов утра, и было просто грешно не освежить голову, немного сполоснув глотку.

Жена с дочкою громыхали на кухне посудой, чем и помешали нашему герою сосредоточиться, собрать волю в кулак, и не заглянуть на дно бутылки.

К десяти он уже пускал слюни в подушку и блаженно причмокивал во сне, распластавшись на жёстком, пуританском ложе своей дочери.

Не то что бы Петрович был алкоголиком, но... не без этого.

На улице бушевало короткое сахалинское лето. В его сон последовательно вривалась ругань жены, плач дочери, а затем, много позже, лязг карниза.

Последнее окончательно освободило его от уз Морфея, изрыгнув к реалиям быта на поверку оказавшегося еще более фантастическим, чем самый буйный сон наркомана.

Пропитый мозг так живо отобразил картину гадающих на подоконник мерзких голубей, что чуть ли не отрезвил нашего героя. Но, мучительно разлепив веки, Иван Петрович узрел иное.

За его окном маячили, не много не мало, ... ангелы.

Один был большой и видный из себя, второй, за его спиной, мелковат, но тоже вполне богообразный.

Оба были в серебристых одеяниях и как бы воспаряли все более и более, постепенно поднимаясь вровень с распахнутым настезь окном его квартиры на четвертом этаже.

Наш герой не верил в загробную жизнь и прочую ублажающую народные массы ерундистику, но увидеть такое собственными глазами и устоять от соблазна напрудить в штаны было выше его, истощенных трудом праведным, сил. Киношно вскрикнув : "замуровали демоны", Петрович подхватил со стола массивную хрустальную пепельницу и зафиндил ее в большенького. Но сей архангел дюже ловко увернулся и вполне по птичьему замолотил во все стороны, то ли крылами, то ли передними лапками. Пес их разберет, что у них там под этими сияющими на солнце балахонами. Зато махонькому повезло много меньше.

Получив предметом по куполу, похожему на шлем скафандра, он видимо резко стал терять обороты, и загадочно исчез с горизонта.

Первый же, сохранив равновесие и, схватив себя за металлическую голову, рывком свернул её к чертовой матери, по видимому, покончив с жизнью, окончательно разочаровавшись в людской приветливости.

От этой запредельной жути, Иван Петрович ещё и навалил туда, куда только что с успехом "напамперсил".

Но, когда под сорванной головой проступила новая – "человечачья" с перекошенной от ужаса и гнева физиономией жениха дочери – Егора, оравшего что-то беспредельно оскорбительное, то радости нашего героя не было предела. Он откатил приготовленную для броска вазочку в полпуда весом и, покачиваясь, бойко засеменил встречать дорогого гостя, который радости особо не разделяя, созерцал, как почти волоком спускают по пожарной лестнице его лучшего друга Владимира.

Наш Егор служил в пожарке небольшим, но влиятельным начальником и не смог удержаться от соблазна уворовать свою суженную-ряженную из её теплой спальни романтически принарядившись в термокостюм как средневековый рыцарь в лязгающие доспехи. Сей костюм был рассчитан на запредельную температуру и немалые механические нагрузки, ну куда ему было противостоять Петровичу, воюющему с разбушевавшимися проявлениями белой горячки.

Героя отмыли и отдухарили дезодорантами.

Володю забинтовали многослойно не столько лечения ради, сколько супротив буйства ддя. Видеть отца невесты и сохранять спокойствие он и по сей день не может. Нервно посмеивается и произвольно шурудит руками, прикрывая безвозвратно поврежденную голову. Мораль у басни такова: хочешь свадьбу с прибамбасами и загибонами, выбирай в невесты сироту, живущую в одноэтажном бараке с деревянными пепельницами намертво прибитыми к полу.

Вам доводилось бывать в Париже?

Вам доводилось бывать в Париже? Нет. И мне почему-то тоже. Но вот приятель мой там не просто побывал, а даже пожил немного. За достоверность головой не ручаюсь, но в том, что у него просто талант найти сногшибательные приключения на свою голову там, где иной просто сдохнет от скуки, поручиться могу. Повествую от первого лица, ибо так удобнее. Приспичило человеку в туалет посреди улицы. Ну с кем не бывает. То ли, вражины, улиток несвежих подсунули на обед, то ли просто перенервничал, пытаюсь так переиначить список заказов родни, что бы он хоть на порядок не рознился с суммой на эти заказы отпущенной. Не знаю. Не суть важно. А то, что на вопрос, где у них тут туалет, мне указали на округлую металлическую штуковину. И всего за два франка я угодил на экскурсию в "кабину пилота космического корабля": множество кнопок, рычагов и переключателей, но самое грандиозное - это когда, после твоего ухода, унитаз вместе с полом медленно проваливается в преисподнюю, где за него принимаются моющие машины. Возможно, что местные об этом и не догадываются, но я познал. Дело в том, что глупая машина узнает об уходе клиента, а, следовательно, и начинает уборку, когда перестанет чувствовать давление твоего веса на пол. Я же, по старинной студенческой привычке, влез на унитаз с ногами, что бы не подцепить какую-нибудь кож. вен. заразу (Париж все-таки - столица любви). Цеплять, так хоть более романтично. Когда вдруг вырубил свет, меня это не насторожило, ибо у нас на Сахалине скорее его наличие насторожит. Но был я не дома, хотя, как выяснилось позже, и у нас и у них отключение света знаменует собой одно и то же - еще большие катаклизмы. Но, когда вся эта чертова система, во главе со мной, величественно на ней

восседающим, поползла куда-то вниз, вдоль стен, а из появляющихся из-под пола амбразур хлынула какая-то светло-розовая жидкость, (первая мысль была, естественно, что кровь убиенных, попавших в эту жуткую западню до меня), я несколько насторожился и ловко спрыгнул с горшка, чуть запутавшись в спущенных штанах, и находчиво рухнул мордой в появившуюся на полу лужицу. Но, слава богу, этот механизм, в отличие от судебной махины, имел обратный ход, и я не изведаль французской мойки, ибо все медленно и верно поползло вверх. Я чуть замешкался с подъемом, думая о счастливой судьбе России, лишенной этого чуда инженерной мысли, и этого чуть" оказалось достаточно. Замок после ухода кабины вниз, разблокировался и новые два франка, с той стороны, распахнули дверь и впустили в уже ставшую родной кабинку волоокую амазонку, как я узнал чуть позже, с прелестно-пронзительным голоском. Естественно, что как только она вошла, дверь автоматически закрылась и только тут она увидела меня, вежливо улыбающегося, лежащего на боку в лужице и прикрывающего еще не заправленное в спущенные штаны достоинство. Когда я стал подниматься, бедняжка, наконец-то, вышла из столбняка и принялась судорожно шарить рукой по двери в поисках спасительной кнопки, но, все еще не произнося ни слова и не рискуя встать ко мне спиной. Но когда мне все же удалось натянуть штаны, встать, и с мужественным, полным достоинства видом, начать объяснять, зачем я полз со снятыми штанами через подозрительную лужу в незапертой туалетной кабинке, она не выдержала. И, испустив стон ужаса, плавно переходящий в дикий вопль, повернулась ко мне спиной и сразу же справилась с непослушной дверью. Вышли из кабинки мы почти одновременно, но познакомиться поближе мне так и не удалось. Странные они все-таки люди. У нас, в России, стресс роднит людей, у них, по-видимому, наоборот, разъединяет.

Особенности русского национального отдыха

Есть у меня приятель - Мишка. А у Мишки есть семья и квартира, а посему и соседи. Куда же от них, любезных, денешься. Вот как раз про то, как он их чуть в гроб не вогнал, я вам и поведаю. В преддверии нового, 1998 года, прикупил Мишка себе новую квартиру. Чуть потянул до 31-го с новосельем (всего-то 2 месяца) и присовокупил празднество всенародное к своему собственному, внутрисемейному торжеству. При этом удалось сэкономить как гроши из семейного бюджета, так и нервы до жути чувствительных к шуму, соседей. Ну, посидели мы чуток, выпили, закусили. Еще выпили. На первых порах, пока компания не окончательно еще разогрелась, курили на кухне, врубив только что установленную Мишкой вытяжку, ревом напоминающую газонокосилку (и дизайном тоже). Но, когда хмель взял свое, предпочтение было отдано балкону. И вот, во время надцатого перекура, когда уж первая партия гонцов рванула за добавкой, и произошел сей досадный казус. Соседи, что обитали этажом ниже, вывесили на балконе сушить палас. Додумались же на праздники сушиться, провокаторы, понимаешь. Вот на него то и суждено было угодить одному, особо ловко сплунутому, окурку. Кто-то узрел сей непорядок и все, свесившись через перила, принялись любоваться окурком, симпотно тлеющим на ветру, и спорить, погаснет он сам, али не судьба паласу дожить до Нового Года. Видимо укушались мы все основательно, так как идеи сбегать и сказать соседям или, на худой конец, залить водой, были отмечены как создающие "паливо" и портящие межсоседские отношения. А окурочек все продолжал тлеть, безучастный к прениям вокруг его скромной персоны и плевкам, которыми его пытались затушить отдельные, очень не воспитанные, товарищи. Тут уж и до хозяина дошло, что тлеет не только и не столько соседский палас, сколько его кровный семейный бюджет. Рывкнув на

хныкающую, и порывающуюся идти с повинной к соседям жену, Мишка припер на балкон щетку от пылесоса. Но, так как данный инструмент до паласа не дотягивался, а искать чем удлинить щетку, было недосуг, то его дружно спихнули за борт, удерживая, кто за ноги, а кто и промеж, под испуганные стоны жены и громкий рев, kloкочущей на кухне, вытяжки. Беда, как известно, не приходит одна. Вот и на этот раз - привела "подругу". Не успел Мишка и трех раз катнуть щеткой по паласу, как шторы внизу разверзлись, залил светом данное действие, и хлопнула балконная дверь. Открыть то ее открыли, а вот выйти - сил уже не хватило. Еще бы! Представьте себя на его (точнее ее, ибо это хозяйка сунулась за мороженым) месте. Сначала она услышала шум работающего двигателя, а потом и узрела болтающегося вверх ногами соседа, с отпечатком безысходного ужаса на малиновой от перегрузок рожке, с вылезшими из орбит глазами побелевшими от боли в за ломанных наверху ногах и при этом усердно пылесосящего ее палас. Окурок она, естественно, заметила не сразу. Назревший скандал удалось "замыть" совместной попойкой, но Мишкина жена уверяет, что еще долго после этого случая, как только они включали вытяжку, внизу хлопала балконная дверь. Видать наши граждане, обладая уникальной устойчивостью к суровому климату, дрянным продуктам и убойным напиткам, крайне чувствительны к легким эмоциональным перегрузкам (типа вышеописанной), если подмешивается некий фактор неожиданности.

Как на Руси пушки чистят

В стародавние времена в n-ой артиллерийской части то ли в преддверии очередного краснознаменного парада, то ли у них там это регулярная бодяга (не знаю, не чалился), приказано было прочищать стволы орудий на предмет удаления следов гари и копоти. Для данных нужд выдали им средство неумеренно едкое, но действенное. Гремучую смесь из спирта, скипидара и иных, жуть дружелюбных сред. Естественно в целях спасения драгоценных солдатских жизней им выдали по две пары толстенных строительных рукавиц, чтобы, значит, предохранялись в полной мере. Одни, ясен перец, на руки, а вторые, видать, на задние лапы. В процессе данной работы приспичило одному бойцу отлить. Со всяким бывает, что ж там, но был наш герой жуть не бдительный, а посему и угодил в анналы всемирной истории. Стянул рукавицы, отошел в кусты, отлил. А в процессе, пардон за пикантную подробность, коснулся причинного места. Естественно, что глаза его стали большими и навеки добрыми, а из самых недр стало вырываться самое сокровенное и искреннее, именуемое в народе матом. Рванул он к ближайшей канаве хозяйство полоскать, но боль не спадает, а наоборот, все сильнее сдавливает свою мозолистую руку. Пока местный эскулап подоспел на помощь, данный орган у солдата распух до размеров противоестественных, а мат перешел в стон, кой на Руси, как известно, песней зовется. Врач оказался плохеньким и окромя срочной ампутации придумать, с жуткого перепоя, ничего не смог. Боец, не вняв передовым методам советской медицинской службы, предложение отклонил. Замотали его хозяйство, чем бог послал, а послал он скорее их, чем им, так что перемотанное чуть ли не телогрейкой выглядело причинное место жуть колоритно и устрашающе. Загрузили нашего героя в машину и увезли в головное подразделение, в медчасть.

- На что жалуетесь? - с неподдельным состраданием в голосе спросила молоденькая мед сестричка, глядя в его, мутные от боли, глаза.

- Вот - сакраментально изрек боец и, приспустив штаны, вывалил обмотки на свет божий из скромности пока не разматывая.

Заинтригованная дива, несколько насторожившись, естественно захотела узнать, что же с ним произошло. Ответ был честен и не замысловат. Вам не слабо вообразить как рванули из орбит, имитируя крайнюю степень удивления, ее васильковые глаза, когда он ответил, что чистил пушку? Далее легенда гласит, что сестричка спасла бойца от вынужденного аскетизма в последующие годы, применив чудодейственное средство, а именно, устроив первую их брачную ночь еще в дневное время. Последнее, конечно маловероятно, но жуть романтично.

Хомяк - лучший друг призывника

Какая живность пользуется прямо таки дикой популярностью у авторов www.anekdot.ru? Правильно, они родимые, хомячки. Одни их к уринотерапии приобщают, другие на парашютах с балкона скидывают. Сплошная чернуха. А вот мой хороший приятель Димка нашел им много более гуманное применение. Он ими ... натирался. Нет, вы не подумайте, что он какой-нибудь полный идиот из тех, что любят хлопчатобумажные носки ... под майонезом. Даже наоборот, соображает он отменно, и еще в детские годы подметил, что, как повозится со своими любимцами минут 10-20, сразу начинает чесаться, и ходит потом весь покрасневшийся, как герой столь натурально изображаемый Евдокимовым из "Аншлага" после бани. Банальная аллергия, но из этого зла Димка умудрился извлечь для себя максимальную пользу. Дело в том, что когда ему засветила армия багровыми языками героического пламени, он возьми да и натришь перед походом на комиссию хомячками. Отправили к дерматологу. Опять: хомяк выручай ! Так до 27 лет и дотянул. Пионеры, мотайте на ус (будущий): Не фиг косить, изображая из себя дебилов, а то, не дай бог, войдете в роль, и так в ней и будете пребывать. Пользуйтесь дарами природы. Хомяк, он еще и не то от вас стерпит, тварь бессловесная. Димкина технология лишь единожды, хоть и не подвела под монастырь, но принесла ему вред... Уже после женитьбы пришла Димке очередная повестка. Ну, заходит Ксюха, жена его, в ванную накануне медосмотра, а там стоит по пояс голый муженек и "мылится" вырывающимися хомячками. Объяснения были не из легких, но жена у него просто умница, и уже через пару часов смогла справиться с истерическим хохотом и, более того, уверовать, что крыша у мужа еще не съехала. Что это еще впереди.

Из записок чудом выжившего пациента

В конце прошлого года довелось проходить медицинскую комиссию при поступлении на новую работу. Первым номером программы был "торжественный" прием терапевтом. Пока мы с врачом мило разглагольствуем об отсутствии жалоб на мое здоровье, как с ее, так и с моей стороны, параллельно в беседу врывается медсестра, уточняя мои биографические данные. Деваха "корчит глазки" и иными, не менее извращенными способами, выказывает мне свою юношескую симпатию. По числу запросов, которые она умудряется организовать при записи моих ФИО, года рождения и адреса, улавливаю низкую напряжённость в ее коре головного мозга. И, упреждая новые расспросы с ее стороны, в процессе диктовки аббревиатуры моей конторы (СОМСП ГС РАН), снисхожу к полному разжевыванию, и не только интонацией, но и однозначным словом "пробел", отделяю одну группу букв от другой. Не успев дописать название до конца, девушка, с невесть откуда взявшейся ненавистью, смотрит мне в глаза, и более

уже за ручку (как мою, так и шариковую) не берется. Несколько недоумеваю столь резкой перемене в ее настроениях, я не утруждаю себя размышлениями на данную тему, а галопом рассекаю по данному заведению с выписанными медсестрой направлениями. Когда же вынужденно сбавляю темп, нарвавшись на очередь перед кабинетом флюорографии, то, от нечего делать, читаю в направлении обозначение своей конторы, вписанное аккуратным девичьим почерком: "СОМСП пробел". А персонально для тех, кто полагает, что я сие "за уши натянул", прилагаю фотокопию сего документа, выданного мной из медицинской карточки. Смотрите, недоверчивые вы мои, вот здесь

На злобу дня

У нас, в Южно-Сахалинске, в связи с почти полным прикрытием общественного транспорта, развелась уйма маршрутных такси и, как следствие, и новых, доселе не познанных, номеров маршрутов. Вот как раз на одном из таких под 90 я и имел счастье добираться сегодня вечером на работу. Ехать мне было долго и, вскоре, я уже привык, что на остановках, вдоль маршрутки собирались группки людей, силящихся впотьмах разглядеть, куда же он, все-таки, едет. На очередной остановке привычный алгоритм действий был грубо нарушен. Какая-то женщина, обвешенная авоськами как выючный верблюд тюками, нагло приоткрыв дверь, и впустив во внутрь морозный воздух, спросила водителя: - "Вы куда едете?" Несколько заспанный, от долгой езды без открывания дверей (маршрут не шибко то популярен) напарник водителя не сразу просек, что не за баранкой и изрек "Я до "Дворца пионеров" как 20, а дальше как 7, к площади Победы". Видать, в конец замороженная семейными проблемами, женщина резонно интересуется у водителя: "А Вы?".

Дедовы калоши

Когда-то, лет сто назад, и я был молод и красив и имел полный комплект не только родителей, но и дедов с бабушками. У маминой мамы, бабы Лины, мы и гостили в городке Слободском, что на Вятке.

Дом был огромный, но всё его жизненное пространство кучковалось исключительно вокруг русской печи. Поэтому дед с бабкой жили в комнате с одной стороны от печи, мама с моей сестрой в комнатке за печкой, а меня поселили на кухне, прямо на печь. Хоть и на жуткой верхотуре, зато как король. Ни то, чтобы я спал прямо на конфорках. Для тех, кто не застал этого «зверя» живьем, сообщу - русская печь была огромна, как автомобиль и на ее крыше располагались полати, этакое спальное место.

Туалет, которым пользовались летом, располагался на улице в виде отдельной будочки, а в доме прятался так называемый «зимник». Мои тапки, оставшиеся с прошлых приездов, достались маленькой Таньке, а мне пообещали завтра приобрести новые. Но ночью, в темноте одевать сандалии, путаясь в ремешках, и тащиться в грозный мир ночного огорода, было довольно...сыкотно. Да и контроль, к ночи, ослабевал - старики ложились рано.

Дед был высок, суров и чертовски молчалив. Я и не помню, что бы до этого случая, мне хоть раз удалось его «выбесить» на беседу по душам. Видимо его нрав сформировали сотни допросов в НКВД и суровая тюремная жизнь. А может он был таким «букой» с детства, кто знает. Уже не у кого спрашивать.

Мой метод его разговорить был гуманнее пыток в застенках ГУЛАГа, но иезуитски коварен и, в прямом смысле, «сбивал с ног».

В день приезда, натрескавшись «от пуза» не мытой клубники, прямо с грядок и полирнув ей же со сливками, мы с Танькой, обрадовались вольной и сытой жизни, но и, тут же, расстроились желудком. Ей с кровати, да ещё и в моих тапочках, добежать до туалета среди ночи было плёвое дело, а мне с печи, да в сандалиях – каково?

Сначала уснул, но, проснувшись ночью, не стал искушать судьбу долготерпением. Спрыгнув с печи, в темноте удачно обнаружил дедовы калоши размера минимум 47. Он в них обычно слонялся по огороду, одевая на босу ногу. Ну чем не обувь для ребенка шести лет? Занырнув в них «с головой», как на лыжах, заскользил до «зимника» - дыры в полу, в недрах которой обитала клоака выгребной ямы. Присев над ямой на корточки и, опустошив запас клубники со сливками, я заскользил в обратный путь. Выскользнув из калош у входной двери и взобравшись на печь, с чувством выполненного долга, отошел ко сну.

Утром весь дом проснулся от громового баса деда. Из его монолога, вперемежку с лагерным матом, угадывалось, что он не особо то и высокого мнения о моем умственном потенциале. Но он очень надеется, что это скудоумие мне ни сколечко не повредит, ибо таких как я ни то что «не берут в космонавты», а отстреливают из жалости, еще в колыбели.

В доме мощно пованивало. И совсем не клубникой. Видимо «несет» с зимника, подумал я. Эх не зря говорили, что ходить в туалет нужно на улицу, а ни куда поближе. С печи я видел как, окончательно иссякнув в мате, дед выбежал на улицу. Почему то босиком. Его калоши сиротливо остались валяться поперек прохода. От калош, к входной двери тянулась цепочка дедовых следов. Забегали мама с бабушкой с тряпками и ведром. Аромат достиг своего апогея. И тут до меня, спросонья затупившего, стала доходить причина, поднятого дедом хая, и физическая природа его следов на полу.

Калоши сорок седьмого размера успешно перекрывали своими пятками дыру, в которую я стравливал из себя клубнику со сливками. Во всяком случае большую её часть. Что-то побулькивало в клоаку, а что-то вовсе и нет. Как оказалось. А, передвигаясь на калошах, как на лыжах я, едва ли дотягивался пятками и до середины обуви и даже не подозревал о тайном грузе, что притянул «на радость деду». С утра, дотопав до входной двери в тапочках, дед привычно переобулся в галоши, чтобы пойти на улицу для утреннего моциона умывания рожки. Ан нет - мытьем одной лишь рожки ему в то утро не суждено было ограничиться.

Через год дед умер и иных наставлений, кроме высказанных под горячую руку, мне получить не удалось. Надо больше общаться со старшими поколением, а если кто-то из них отлынивает от этих обязанностей, то мой РАДИ КАЛЬный метод Вам в помощь, ибо завтра уже может быть поздно.